

Какаши стоял совершенно неподвижно перед памятным камнем. Было еще рано, и, поскольку его команда ушла на задание по сопровождению, у него было много свободного времени. Некоторые полагали, что он пришел к этому камню, чтобы поразмышлять о своем прошлом или даже раскрыть душу в попытке облегчить свою вину выжившего. Какое-то время именно поэтому он проводил так много времени перед памятником павшим. Но не теперь и не в течение нескольких лет. Со всей скромностью Какаши осознавал, что был главным ниндзя Конохи в то время, когда Саннин ушел. Он находил это странным, но не по хвalebным причинам.

Как и вся деревня, Какаши сбился с пути после смерти Минато-сэнсэя. Он погряз в "долге", не выполняя своего истинного долга перед тем, что осталось от наследия его сэнсэя. К тому времени, как он взял себя в руки, Сандайме запретил ему принимать непосредственное участие в жизни Наруто. Поэтому он наблюдал за ним, делая то небольшое, что мог, и выполняя роль молчаливого опекуна.

Он наблюдал, как мальчик развивался и наполнялся чувством гордости, большим, чем когда-либо прежде. Он видел, как он боролся с ненавистью и изоляцией, оставаясь сосредоточенным на цели. Когда Какаши вызвал Паккуна перед семилетним Наруто, он надеялся, что мальчик попробует, он медленно делал знаки руками, вызывая их именно с этой целью. Он полагал, что Наруто будет на стороне жаб, и они позаботятся о нем. Не самый лучший план, но он сработал, и Наруто получил определенную долю счастья благодаря своей связи с пантерами.

Когда Какаши читал имена павших, он часто размышлял о Конохе: как о символе, месте и народе. Данзо фетишизировал место, он мало заботился о людях и не верил в волю огня. Сандайме фетишизировал людей, не замечая их недостатков и наслаждаясь их похвалой. Он не сомневался, что Минато-сэнсэй пожертвовал всем ради всех троих. Какаши не знал, чувствует ли он то же самое. Он видел, как эти люди пренебрегают его сэнсэем, имея наглость восхвалять его. Это было неприятно.

- Сильно задумался, Какаши-кун? - спросил голос Старика сзади.

- Не больше, чем обычно, Сандайме-сама.

- Открыл какие-нибудь великие истины?

- Я пытаюсь, но они ускользают от меня.

- Я понимаю, мальчик. Я понимаю. Перемены - единственная константа, но даже природа перемен изменчива. Всего три года назад, если я просил аудиенции у ниндзя, я получал ее без вопросов. А сейчас? Они могут игнорировать меня или приходить по своему усмотрению. К этому трудно привыкнуть, - Хирузен двинулся к Какаши и встал рядом с ним.

- Я был очень занят, Сандайме-сама.

- Да, понимаю, - сухо заметил бывший Хокаге. - Я не виню тебя за то, что ты не хочешь находиться в моем присутствии. Я нарушил наши отношения, а точнее, твое доверие ко мне. Я сожалею об этом, Какаши. Я о многом жалею и боюсь, что никогда не смогу по-настоящему загладить свою вину.

- Вы мне ничего не должны, Сандайме-сама, - сказал Какаши. Это не было правдой, но Хатаке не хотел участвовать в туре извинений этого человека. Он злоупотребил своей властью, и ничего другого сказать было нельзя.

- По крайней мере, я должен извиниться. Я сожалею о многих вещах, но держать тебя подальше от Наруто было ошибкой. Сейчас я вижу это больше, чем когда-либо.

- Ах, - подумал Какаши. Это всегда приводило к Орочимару.

- Держа тебя и других подальше от Наруто, отдалив его, я сделал его уязвимым для махинаций Орочимару. Поддержка, признание, семья и даже шанс на любовь. Она предложила ему все это, и, конечно, он не отказался.

- Может быть, она искренна, - заметил Какаши.

- Сомнительно. Возможно, у нее полностью созревший имплант Шарингана, и она прячет его под продвинутой контактной линзой. Кто скажет, что она не попытается выпустить Кьюби из Наруто или как-то контролировать его?

- Было только одно сообщение и одна легенда о том, что один Учиха контролировал Кьюби.

- Да, Мадара. Человек, который якобы стоит за смертью Минато и Кушины. По моим сведениям, этот человек, скорее всего, мертв, и уже три года. Именно от него Орочимару получила Шаринган.

- Почему вы говорите мне об этом сейчас? И знает ли Цунаде-сама?.

- Потому что у меня был другой план, но я подумываю отказаться от него. Скорее всего, она знает об этом, я был на пять шагов позади нее задолго до ее возвращения. Я опасаясь за безопасность Наруто и не думаю, что Джирайя позволит ему вступить с ней в отношения.

- Насколько я понимаю, Джирайя-сама не позволяет Наруто ничего делать.

- Прискорбно, но, похоже, ты прав. Вот почему ты мне нужен, Какаши. Ты не совсем бескорыстен, но достаточно отстранен, чтобы иметь другую точку зрения.

- Я считаю, что вы должны оставить все как есть. Наруто может защитить себя сам, а если нет,

то у него есть мы.

- Почему вы все полагаете, что если она что-то планирует, у вас будет время отреагировать? Или Наруто вообще будет цел, чтобы спасение стало возможным? - Он знал, что его бывший внук был силен, наблюдение за тем, как юноша тренирует Цунаде, было достаточным доказательством. Но Орочимару была другой, и ее нельзя было недооценивать.

- А вы не пробовали отказаться от игр и просто поговорить с Наруто прямо и открыто? Конечно, он может сказать вам, чтобы вы забили на это, но он не капризный ребенок, он не позволит своим чувствам перевесить разумный совет. Если это не сработает, и вы будете уверены, что она представляет угрозу для Наруто и деревни, тогда бросьте монетку и убейте одного из них.

- Это не смешно, Какаши.

- Я не шучу. Если вы действительно верите, что она представляет угрозу, если вас больше ничего не мотивирует, то нейтрализуйте угрозу. Иногда самый героический поступок может показаться злодейским. Помните, вы мне это говорили?

- Помню.

- Потому что деревня была превыше всего. Даже моя преданность Минато-сэнсэю не была оправданием для того, чтобы подвергать ее опасности, рисковать конфликтом с Кумо или Ива. Это было ради деревни. Просто знайте, где бы вы ни оказались, я буду на стороне Наруто. Вы манипулировали мной столько, что хватит на всю жизнь.. Увидимся, - сказал Какаши, прежде чем исчезнуть с помощью шуншина.

<http://tl.rulate.ru/book/68651/2004601>